И. Ю. Мартианова

МЕСТО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ РОССИЙСКИХ ДВОРЯН ПО ВОСПОМИНАНИЯМ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Работа представлена кафедрой дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор С. С. Минц

Статья рассказывает о способах, формах и каналах формирования национальной идентичности в повседневной жизни детей российских дворян. Она основана на материалах мемуаров XIX – начала XX в. Национальная идентичность в среде российских дворян показана как результат культурного выбора каждого ребенка.

Ключевые слова: *история России XIX – начала XX в., национальная идентичность, национальное самосознание, повседневность, дворянские дети, мемуары, интеракции, воспитание, образование, этноконфессиональная ситуация, межнациональные контакты, традиции, мировоззрение.*

I. Martianova

ROLE OF NATIONAL IDENTITY IN EVERYDAY LIFE OF RUSSIAN NOBLE CHILDREN (BASED ON THE MEMOIRS OF THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES)

The article is devoted to the modes, forms and channels of national identity forming in everyday life of Russian noble children. The article is based on the memoirs of the 19th and early 20th centuries. The author demonstrates that national identity among the Russian nobles was a result of cultural choice of every child.

Key words: *history of Russia (19th – beginning of the 20th century), national identity, national self-consciousness, everyday life, noble children, memoirs, interaction, education, ethnic situation, international contact, tradition, world outlook.*

Национальное самосознание ребенка формируется в непрерывном течении его повседневной жизни в интеракциях с носителями различных культур, в соприкосновении с окружающим его материальным миром. Судя по воспоминаниям дворян, этот процесс зачастую шел для них непростым путем, ставя их в детстве в ситуацию нелегкого выбора. Анализ повседневной жизни дворянских детей и характеристика условий, влиявших на становление их национальной самоидентификации – цель данной работы. Статья базируется на анализе материалов 170 мемуарных источников.

В XVIII в. национальная самоидентификация для дворянина по мнению А. В. Шипилова была вопросом праздным, поскольку «его национальная (этническая) принадлежность не интересует ни окружающих, ни его самого; дворянин вненационален по определению, он живет не в мире наций, а в мире сословий… его общество – всеевропейская дворянская община» [23, с. 97]. В работе Э. Геллнера утверждается, что в XVIII в. национальных государств нет, а само привилегированное сословие «часто выходит за пределы данной политической единицы, является надполитическим и конкурирует с государственной властью» [4, с. 52]. В XIX в. эта ситуация явно меняется. Политические события начала столетия, Отечественная война 1812 г., распространение идей романтизма как новой культурной парадигмы заставили образованную часть дворянства, а вслед за ней и остальных представителей этого сословия, обратить внимание на вопрос о своей национальной принадлежности и заметить связь с простым народом, разделив с ним политическую судьбу, эмоциональную настроенность и виды на будущее своей страны.

Многие авторы мемуаров происходили из семей, где родители относились к разным

народам и вероисповеданиям, например, семьи Мордвиновых (адмирал Николай Семенович Мордвинов был женат на англичанке Генриетте Александровне Коблей, с малых лет воспитывавшейся своими родственниками в Италии) [16, с. 397], Ясинских (отец Иеремия Иеремиевич Ясинский, поляк и католик, был женат на русской Ольге Максимовне Белинской, дочери харьковского помещика) [25, с. 9], Короленко (отец Галактион Афанасьевич – украинец, считавший себя русским, и мать Эвелина Иосифовна Скуревич – полька) [11, с. 514] и др. Даже если семья была моноэтничной, то дети, которым с детства объясняли их родословную, очень часто начинавшуюся с какого-либо полумифического предка иностранного происхождения, усваивали свою связь с миром и всеобщей историей. Это была одна из особенностей формирования национальной самоидентификации дворян. Так, Б. Н. Чичерин своим родоначальником называл итальянца Чичери, прибывшего в Москву в конце XV в. в свите Софьи Палеолог [22, с. 92], а И. И. Ясинский, с детства занимавшийся под руководством отца генеалогией, вел отсчет своего рода от половца Ясыни, чьи потомки считали себя литовцами в XVI в. и поляками в XVIII–XIX вв., что, однако, не помешало самому мемуаристу считать себя русским [25, с. 8, 9].

В семьях, приближенных ко двору и входивших в высший свет, дети непосредственно знакомились с иноземцами у себя дома, так как последние посещали салоны их родителей. О своем знакомстве с английским посланником лордом Непиром вспоминал В. П. Мещерский, который еще подростком через этого посетителя знакомился с новостями большой политики, так как «живые связи дружбы влекли его (Непира. – *И. М.*)» в гостиную Мещерских [15, с. 15].

Подавляющее большинство детей дворян в XIX в., по воспоминаниям мемуаристов, получало воспитание и образование из рук иностранцев. Так, в семье Набоковых часто менялись гувернеры и репетиторы, «…причем, нанимая их, отец как будто следовал остроумному плану выбирать каждый раз представителя другого сословия или племени» [18, с. 219]. Через семью англоманов Набоковых прошли, помимо русских, английских и французских воспитателей, украинец, латыш, поляк, еврей. Сталкиваясь с представителями иного народа, дети выстраивали отношения с ними в условиях повседневности, учились контактам и умению находить общий язык с людьми других наций.

Одним из условий дворянского детства XIX в. в обеспеченных семьях стали путешествия по стране и Европе, в ходе которых дети могли в повседневном общении расширять свой кругозор и устанавливать отношения с представителями других народов. Для некоторых из них, например Н. Е. Врангеля [6, с. 76] и А. Н. Крылова [13, с. 52], эти поездки сопровождались обучением в местных школах. С ранних лет дворяне имели возможность сравнивать порядки и нравы своей страны с чужеземными, развивая критическое отношение к действительности.

Для многих детей дворян из провинции и обедневших семей найм гувернера или поездка за границу были невозможны, поэтому таких детей определяли в воспитательные учреждения, где помимо уроков в повседневном обиходе детей культивировалось общение на иностранных языках.

В учебных заведениях для малолетних дворян конфликтов на национальной почве никто из мемуаристов не упоминает. Напротив, межнациональные отношения характеризуются в безоблачных тонах даже теми, кто впоследствии был далек от идеализации этноконфессиональной ситуации в Российской империи. Так, анонимный автор «Мыслей и воспоминаний поляка», родившийся в 1838 г., учился в Брестском кадетском корпусе и вспоминал, что «поляков в брестском корпусе было более половины всего состава. Сначала мы держались в стороне от товарищей русских, но к концу моего пребывания в корпусе мы жили дружно и согласно. Между нами водворились мир и уважение к национальным и религиозным убеждениям» [17, с. 674]. Отсутствие межнациональной распри в детской среде положительным образом сказывалось на формировании национального самосознания дворян, учившихся в таких заведениях.

Помимо людей, с детства дворян в их повседневной жизни окружали и вещи, бывшие достижениями европейской материальной культуры (те же книги). В некоторых домах литературы на родном языке не было совсем, например у И. А. Яковлева, отца А. И. Герцена [5, с. 62]. Детские балы проводились как маскарады. Наиболее популярны были костюмы различных народов. Авторы маскарадных одеяний стремились к максимальному сходству с оригиналами. Годы спустя мемуаристы подробно описывали детали костюмов, как своих, так и своих товарищей [12, с. 137, 138]. Дома некоторых из них окружали произведения европейской живописи [14, с. 217]. Встречались дворянские семьи, быт которых был ориентирован на потребление товаров какой-либо европейской страны, чаще всего Англии (например, семья будущего писателя В. Набокова) и Франции.

Подытоживая все вышесказанное, можно утверждать, что детство российских дворян, какого бы роду-племени они ни были, протекало в обстановке повседневного постоянного контакта с «чужими» культурами и их носителями. Способность осуществлять и координировать межнациональные контакты в обыденной жизни была показателем воспитанности и образованности дворянского отпрыска. Для дворянского сословия любого европейского народа этническая чистота семьи была второстепенным вопросом. Также безразлично относились дворяне и к приверженности семьи к той ли иной культурной традиции – она выбиралась произвольно в зависимости от вкусов и взглядов старшего поколения семьи и даже от стечения обстоятельств. Именно поэтому с первых лет жизни дворянские дети всем содержанием своего бытия готовились быть членами этого разноплеменного сообщества. В формирующееся мировоззрение ребенка закладывалась мысль, что он – представитель своего рода, прославленного в истории задолго до его рождения и имеющего продолжение в нем, и его задача – умножить славу рода или хотя бы не посрамить ее. Однако это – лишь одна сторона формирования национального самосознания дворянских детей. Обратимся же теперь к другой.

Не менее постоянен был контакт с этнической средой и национальной культурой. И то и другое являлось тем противовесом международности дворянского детства, позволяя дворянам идентифицировать себя с этносом, который они позже считали «своим».

В XVIII – первой половине XIX в. ребенок в дворянской семье находился на ее эмоциональной периферии, т. е. не было постоянного тесного контакта с родителями, его потребности удовлетворялись в последнюю очередь, зачастую ребенка отселяли в иное строение, отводили ему дальние комнаты и т. д. Вследствие такого положения дети в дворянской семье в своей повседневной жизни были в бóльшей степени, нежели взрослые, связаны с прислугой, а через нее – с традиционной средой и культурой [10, с. 160], хотя и не смешивали себя с ней. По мере взросления ребенок отдалялся от простого люда, усваивая вненациональные нормы и ценности. Однако знакомство с культурой народа и тесное общение с ним в детстве позволяли дворянину осознать свою национальную принадлежность.

Для формирования национального чувства у ребенка большое значение имело общение со старейшим поколением семьи, которое в разной степени сохраняло черты национального своеобразия, присущие жизни дворян прошлого (для русских дворян второй половины XIX в. – черты допетровской эпохи). Чаще всего оно ассоциировалось у мемуаристов с их бабушками. С возрастом, оставив свет, женщина часто отправлялась в поместье на покой. Здесь она устраивала для себя такую повседневность, которая подчинялся тем же нормам, что и народная жизнь – сельскохозяйственному циклу и религии. Описание домашнего быта в усадьбах бабушек схожи, например, у поляка Ф. В. Булгарина [1, с. 64–67] и русского А. Д. Галахова [3, с. 65]. Для них старушки были живым воплощением истории и традиций. Бабушки охотно принимали участие в воспитании детей, и внуки подолгу бывали в их старинных (по сравнению с родительскими) домах и поместьях. Бабушки с их простотой и традиционностью в быту словно оставались вне времени, и внуков они содержали соответственно.

Бабушки в дворянских семьях знакомили внуков с фольклором [20, с. 45], способствовавшим осознанию национальной принадлежности. Зачастую они становились незаменимым источником знакомства с устной народной традицией. Б. П. Вышеславцев вспоминал, как «…бабушка Анна мне рассказывает сказки про Бабу-Ягу, при этом мне рисуется избушка с большой русской печкой… и с самой Бабой-Ягой со страшным носом крючком. Этот рисунок детски-примитивный вижу как сейчас. Я видел и тогда его “нереальность”, но сквозь него я видел и угадывал настоящую Бабу-Ягу, она вставала из древней первобытной души моего народа, из его жутких и темных зимних ночей…» [7, с. 131, 132].

Знакомили дворянских детей с народной культурой в повседневной жизни и няни, помогая формированию национального сознания ребенка. И если под бабушкино влияние попадал не каждый ребенок, то забот няни не избежал никто из малолетних дворян. Господская семья становилась для няни родной; получая волю и имея своих детей, они часто отказывались покидать своих хозяев, привязавшись к их детям. В представлениях мемуаристов сложился стереотип образа няни, например, в русских семьях: «Настоящая русская няня» была «веселой и доброй, крепко привязанной к детям, которых она выходила, и к дому, где она обжилась» [2, с. 5]. Няня «благочестива и сообразительна», мать могла быть «уверена… в преданности и опытности этой доброй женщины» [9, с. 283]. По воспоминаниям графа В. А. Соллогуба няня не покидала детей в путешествиях даже за границей [21, с. 28]. Она была основным проводником народной культуры в дворянской семье, особенно если семья участвовала в светской жизни, и была той ниточкой, которая связывала дворянского ребенка с народом.

Важную роль в приобщении дворянских детей к национальному началу играло изучение родного языка и словесности. Мемуаристы, создававшие свои произведения в середине – второй половине XIX в. обязательно отмечают этот факт, описывая повседневную жизнь своего детства. Если упорядоченного знания по родному языку и литературе получить не удавалось, то об этом в XIX в. рассказывают уже с сожалением. Н. В. Чичерин в письме к сыну писал: «Я окончил изучение языка тринадцати лет у тамбовского семинариста. После я учился в полку, переписывая то, что мне нравилось в книгах и стараясь отгадывать правила и красоты языка, не имел никого, кто бы мог мне их объяснить» [22, с. 92].

В образовательных и воспитательных учреждениях для дворян с начала XIX в. начали уделять бóльшее внимание изучению русской словесности, истории, языка. Именно этих преподавателей чаще всего вспоминают мемуаристы. С большим уважением показаны образы преподавателей русской словесности И. А. Гаретовского у А. Д. Галахова, В. В. Авдиева у В. Г. Короленко и др. Отметим, что если мемуаристы по рождению принадлежали к одной нации, но идентифицировали себя с другой, то для обоснования выбора они в первую очередь подчеркивали свою степень знакомства с языком выбранной нации и ее литературой.

Для детей представителей высшего света иногда учебное заведение было единственным местом, где они могли изучать родной язык, так как их родители и весь круг знакомых говорили по-французски и были плохо знакомы с правилами литературного русского языка. А. Д. Галахов, сам много лет преподававший русский язык, объяснял возникший интерес к родному языку введением правительством политики «официальной народности» [3, с. 111]. После этих мер дворянство стало заботиться о приглашении в дома и учреждения преподавателей, знавших русский язык. Так, А. Д. Галахова, преподававшего в сиротском приюте для девочек, князь П. П. Гагарин, открывший это заведение, пригласил давать уроки своему четырнадцатилетнему сыну, едва говорившему по-русски. «Немаловажной вещью считалось и то, – писал мемуарист, – что я был дворянского сословия и держал себя на уроках иначе, чем преподаватели… или вовсе не знавшие французского языка, или… пугавшие прескверным выговором…» [3, с. 110]. Успех молодого учителя стал известен в свете. Он получил несколько приглашений в частные дома и учре-

ждения. Мемуарист отмечал положительное влияние уваровской теории на подрастающее поколение дворян. «Подчиняясь этой формуле (православие, самодержавие, народность. – *И. М.*), русское юношество стало предпочтительно воспитываться в отечественных учебных заведениях, а не в пансионах, содержащихся иностранцами, или дома под крылом иностранных гувернеров» [3, с. 111].

Дворянские дети усваивали свою национальную принадлежность и через тесное повседневное общение с иными социальными слоями. О таком общении в обход запретов вспоминали А. Д. Галахов [3, с. 32, 33], А. Н. Энгельгардт (урожденная Макарова) [24, с. 130], П. А. Кропоткин [12, с. 67, 68]. В некоторых же семьях родители, напротив, считали, что такое сближение может только пойти на пользу их детям. Таковы были родители Б. Н. Чичерина [22, с. 150] и графа А. А. Игнатьева [8, с. 69].

Для становления национальной идентичности у дворянских детей большую роль играли путешествия по стране. В. А. Соллогуб, вспоминая свою первую большую поездку по стране в симбирское имение матери, писал: «Для меня, мальчика-баловня, постепенно становилось все более понятно, что кроме придворного мира, мира светского и французского, кроме даже мира благодушия бабушки, был еще мир другой, мир кореннорусский, мир простонародный и что этому миру имя – громада…» [21, с. 66]. А осознать свою связь с этим миром помогало отношение самого простонародья к барским детям, которое зафиксировано в мемуарной литературе в самых светлых тонах. У В. А. Соллогуба такое отношение крестьян к детям помещиков выражено в описании встречи при въезде в поместье: «Еле живые старушки подступали ко мне и к брату, протягивая пряники… “Возьми, касатик, возьми, красавчик, – Господь привел взглянуть на вас!… Вы отцы наши, а мы дети ваши”» [21, с. 71, 72]. Как тут не осознать свое родство с этим миром, будь автор и польского происхождения, и нерусского воспитания!

Насколько непростым для дворянских детей было определение своей национальной принадлежности, показывают случаи, когда ребенок по разным причинам ассоциировал себя с иной национальной культурой, к которой не принадлежали ни родители, ни традиция, в которой его воспитывали. Примером может служить В. Ф. Печерин, который, происходя из семьи, где родители считали себя русскими, с детства мечтал о побеге в Европу, мечтал забыть о том, что он русский и истребить в себе все признаки «русскости» [19, с. 151]. Порой старшее поколение семьи по каким-то причинам внушало всем ходом повседневной жизни своим детям принадлежность к иной культуре вопреки очевидному происхождению ребенка и его семьи. И. И. Ясинский описывал в своих воспоминаниях семью знакомого грузинского князя в г. Лотоки, который считал себя русским и для полного убеждения окружающих в своей «русскости» «одевался как старинный русский князь, и усадьба его напоминала древний терем…» [25, с. 31]. В таком повседневном антураже росли его дочери.

В семье Короленко отец (украинец по происхождению и дворянин милостями польских королей) внушал детям, что им следует считать себя русскими, хотя они с детства говорили по-польски и воспитывались матерью- полькой. Младший сын Владимир, будущий писатель, став взрослым, счел себя русским. Окружающие таким его и воспринимали. Старший же брат его Юлиан, по отзыву знавшего обоих братьев И. И. Ясинского, «был чрезвычайно вежливый с польской складкой и польским акцентом» [25, с. 139].

Сам И. И. Ясинский писал о непростой этноконфессиональной ситуации в повседневной жизни своей семьи. Его отец «мало-помалу обрусел», общался в основном с русскими, но воспоминания о происхождении «преисполняли моего отца великим польским чванством» [25, с. 9]. Иногда же, отец писателя «устраивал у себя католические богослужения, тогда из губернского города наезжали ксендзы, а православная мамаша не признавала ксендзов, и отец нас называл москалями и кацапами. Впрочем, религиозные распри продолжались до тех пор, пока на

глазах вертелись ксендзы, а как только они уезжали, в доме начиналось обрусение: мать выкуривала католический ладан… а отец учил меня каждый вечер православным молитвам» [25, с. 11]. Для детей сложности дополнялись тем, что «постоянно… менялась прислуга, бонны – то польки, то немки, то русские – и все хорошенькие». Их нанимал Ясинский-старший и увольняла его супруга, так как ее муж слишком активно ухаживал за ними. Она нанимала педагогов по своему вкусу (тоже разноплеменных), но «тоже на короткое время», так как «отцу не нравился педагогический вкус мамаши» [25, с. 11]. Так И. И. Ясинский характеризовал формирование национальной идентичности в своей «истории развития личности среднего русского человека» [25, с. 3].

Фактически мы видим, что национальное самосознание ребенка в повседневной жизни дворянской семьи происходило в условиях взаимопереплетения европейского и национального, общего и самобытного, определяя культурное своеобразие сословия и сложность процесса самоопределения для ребенка. Для него национальность – это прежде всего культурный выбор, а не тот или иной процент «крови», зафиксированный метрикой. Делая выбор, ребенок привилегированного сословия Российской империи учился уважать и чужой выбор, который мог быть и иным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Булгарин Ф. В.* Воспоминания. М.: Захаров, 2001. 782 с.
2. *Бунаков Н. Ф.* Моя жизнь в связи с общерусской, преимущественно провинциальной. 1837–1905. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1909. 361 с.
3. *Галахов А. Д.* Записки человека. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 448 с.
4. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1992. 319 с.
5. *Герцен А. И.* Былое и думы. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1958.
6. *Врангель Н. Е.* Воспоминания: от крепостного права до большевиков // Бароны Врангели. Воспоминания. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 29–274.
7. *Вышеславцев Б. П.* Тайна детства // Просветитель. Вестник духовного просвещения. 1994. № 1. С. 121–135.
8. *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Советский писатель, 1952. Т. 1. 611 с.
9. *Капнист-Скалон С. В.* Воспоминания // Записки воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX в. М.: Современник, 1990. С. 281–388.
10. *Каптерев П. Я.* Подражания детей книжным героям и подвигам // Воспитание и обучение. 1893. № 5. С. 153–163.
11. *Короленко В. Г.* История моего современника. Л.: Художественная литература, 1976. Т. 1–2. 547 с.
12. *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М.: Мысль, 1966. 504 с.
13. *Крылов А. Н.* Мои воспоминания. Л.: Судостроение, 1984. 477 с.
14. *Мещерская Е.* Трудовое крещение // Новый мир. 1988. № 4. С. 198–242.
15. *Мещерский В. П.* Воспоминания. М.: Захаров, 2001. 687 с.
16. *Мордвинова Н. Н.* Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о семействе его. Записки его дочери // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX веков. М.: Современник, 1990. С. 389–448.
17. Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. 1906. Т. 127. С. 670–714.
18. *Набоков В. В.* Другие берега: мемуары. М.: Захаров, 2004. 445 с.
19. *Печерин В. С.* Замогильные записки // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). М.: Издательство МГУ, 1989. С. 148–415.
20. *Разумова И. А.* Детская сказка и дети-сказочники // Мир детства и традиционная культура: сб. научных трудов и материалов. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1996. С. 45–48.
21. *Соллогуб В. А.* Воспоминания. М.: Слово, 1998. 384 с.

22. *Чичерин Б. Н.* Воспоминания Б. Н. Чичерина // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XIX вв.). М.: ТРИТЭ, 1999. Вып. 9. С. 89–175.

23. *Шипилов А. В.* Российская цивилизация. Сословное как антинациональное: общество и культура России первой половины XVIII в. // Общественные науки и современность. 2002. № 2. С. 90–101.

24. *Энгельгардт А. Н.* Очерки институтской жизни былого времени // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 127–214.

25. *Ясинский И.* Роман моей жизни. М.–Л.: Государственное изд-во, 1926. 370 с.

REFERENCES

1. *Bulgarin F. V.* Vospominaniya. M.: Zakharov, 2001. 782 s.

2. *Bunakov N. F.* Moya zhizn' v svyazi s obshcherusskoy, preimushchestvenno provintsial'noy. 1837–1905. SPb.: Tipografiya t-va «Obshchestvennaya pol'za», 1909. 361 s.

3. *Galakhov A. D.* Zapiski cheloveka. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 1999. 448 s.

4. *Gellner E.* Natsii i natsionalizm. M.: Progress, 1992. 319 s.

5. *Gertsen A. I.* Byloye i dumy. M.: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury, 1958.

6. *Vrangel' N. E.* Vospominaniya: ot krepostnogo prava do bol'shevikov // Barony Vrangeli. Vospominaniya. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2006. S. 29–274.

7. *Vysheslavtsev B. P.* Tayna detstva // Prosvetitel'. Vestnik dukhovnogo prosveshcheniya. 1994. N 1. S. 121–135.

8. *Ignat'yev A. A.* Pyat'desyat let v stroyu. M.: Sovetskiy pisatel', 1952. T. 1. 611 s.

9. *Kapnist-Skalon S. V.* Vospominaniya // Zapiski vospominaniya russkikh zhenshchin XVIII – pervoy poloviny XIX v. M.: Sovremennik, 1990. S. 281–388.

10. *Kapterev P. Ya.* Podrazhaniya detey knizhnym geroyam i podvigam // Vospitaniye i obucheniye. 1893. N 5. S. 153–163.

11. *Korolenko V. G.* Istoriya moyego sovremennika. L.: Khudozhestvennaya literatura, 1976. T. 1–2. 547 s.

12. *Kropotkin P. A.* Zapiski revolyutsionera. M.: Mysl', 1966. 504 s.

13. *Krylov A. N.* Moi vospominaniya. L.: Sudostroyeniye, 1984. 477 s.

14. *Meshcherskaya E.* Trudovoye kreshcheniye // Novy mir. 1988. N 4. S. 198–242.

15. *Meshchersky V. P.* Vospominaniya. M.: Zakharov, 2001. 687 s.

16. *Mordvinova N. N.* Vospominaniya ob admirale Nikolaye Semenoviche Mordvinove i o semeystve yego. Zapiski yego docheri // Zapiski i vospominaniya russkikh zhenshchin XVIII – pervoy poloviny XIX vekov. M.: Sovremennik, 1990. S. 389–448.

17. Mysli i vospominaniya polyaka // Russkaya starina. 1906. T. 127. S. 670–714.

18. *Nabokov V. V.* Drugiye berega: memuary. M.: Zakharov, 2004. 445 s.

19. *Pecherin V. S.* Zamogil'nye zapiski // Russkoye obshchestvo 30-kh godov XIX v. Lyudi i idei: (Memuary sovremennikov). M.: Izdatel'stvo MGU, 1989. S. 148–415.

20. *Razumova I. A.* Detskaya skazka i deti-skazochniki // Mir detstva i traditsionnaya kul'tura: sb. nauchnykh trudov i materialov. M.: Gosudarstvenny respublikanskiy tsentr russkogo fol'klora, 1996. S. 45–48.

21. *Sollogub V. A.* Vospominaniya. M.: Slovo, 1998. 384 s.

22. *Chicherin B. N.* Vospominaniya B. N. Chicherina // Rossiyskiy arkhiv (Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII – XIX vv.). M.: TRITE, 1999. Vyp. 9. S. 89–175.

23. *Shipilov A. V.* Rossiyskaya tsivilizatsiya. Soslovnoye kak antinatsional'noye: obshchestvo i kul'tura Rossii pervoy poloviny XVIII v. // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2002. N 2. S. 90–101.

24. *Engel'gardt A. N.* Ocherki institutskoy zhizni bylogo vremeni // Institutki: Vospominaniya vospitannits institutov blagorodnykh devits. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2005. S. 127–214.

25. *Yasinsky I.* Roman moyey zhizni. M.–L.: Gosudarstvennoye izd-vo, 1926. 370 s.